

- Publ., 2007; Stiglitz Dzh. *Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii*. Moscow, Natsionalnyy obshchestvenno-nauchnyy fond Publ., 2003.
15. Levyash I. Ya. Regionalistika kak kontseptualnoe osnovanie mekhanizma mezhrayonnogo i prigranichnogo sotrudnichestva. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal*, 2011, no. 11, p. 17;
16. Leonteva A. N., Sapryka V. A. Imitatsionnye i konstruktivnye proekty v prigranichnom sotrudnichestve postsovetskikh gosudarstv. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2012, no. 6. Available at: <http://www.science-education.ru/106-7842> (Accessed 12.12.2014).
17. Makarychev A. S. *Prostranstvennye kharakteristiki transgranichnoy bezopasnosti: kontseptualnye konteksty*. Available at: <http://www.policy.hu/makarychev/rus8.htm> (Accessed 02.12.2014); Jurg M. G. *Worldviews and Theories of International Relations*. New York, St. Martin's Press, Inc., 1994, p. 29; Kennedi P. *Vstupaya v dvadtsat pervyy vek*. Moscow, 1997; Morgentau G. *Mezhdunarodnaya politika. Antologiya mirovoy politicheskoy mysli: in 5 vol.* Moscow, 1997, vol. 2.
18. Morozov A. I. Sovremennoe sostoyanie i kontseptualnye osnovy prigranichnogo sotrudnichestva. *Ekonomika i politika*, 2007, no. 11 (36), p. 33.
19. *Modeli povedeniya cheloveka v institutsionalnoy ekonomike*. Available at: <http://ie.boom.ru/Lecture2.htm> (Accessed 11.11.2014).
20. Rybalkin V. Ye. *Mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya*. Moscow, 2012, p. 340.
21. Safronova O. Funktsionalizm i neofunktsionalizm: ekonomicheskie, sotsialnye i politicheskie protsessy regionalnoy integratsii. *Region v sostave federatsii. Politika, ekonomika, pravo*. Nizhniy Novgorod, 1999, p. 103.
22. Usmanov R. Kh., Karabushchenko P. L. Vliyaniye etnopoliticheskikh protsessov na sovremennye reformy mestnogo samoupravleniya (elitologicheskiy analiz). *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie*, 2015, no. 4 (59), pp. 66–69.
23. *Federalnyy Zakon "Ob osnovakh prigranichnogo sotrudnichestva v Rossiyskoy Federatsii" ot 2011 g.* Konsultant plus. 2011.
24. Sheffer G. Diaspory v mirovoy politike. *Diaspory*, 2003, no. 1, p. 170.
25. Shishkov Yu. V. Integratsionnye protsessy na poroge XXI v. *Pochemu ne integriruyutsya strany MNG*. Moscow, 2001, p. 17.

ПОНЯТИЕ, РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Новоселов Сергей Вениаминович, кандидат исторических наук, доцент, Астраханский государственный университет, Российская Федерация, 414000, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, E-mail: seveno@rambler.ru

Понятие «сила» принадлежит к числу ключевых и одновременно наиболее дискуссионных в теории международных отношений. Как и большинство категорий, понятие «силы» в теории международных отношений не имеет устоявшегося, общепринятого определения. Введение Дж. Наем в научный оборот концепции «мягкой силы» и последовавшие за этим споры лишь усугубили ситуацию терминологической неопределенности вокруг данного понятия. В данной статье предпринимается попытка обозначить общие подходы к формулированию определения концепции «мягкой силы», которое позволило бы, с одной стороны, провести грань между «мягкой» и «жесткой силой», а с другой – показать их структурную взаимосвязь и взаимозависимость в рамках внешнеполитической деятельности игроков на международной арене. Каждая из выше названных «сил» базируется на разных ресурсах. И «жесткая», и «мягкая сила» в зависимости от контекста, в зависимости от его целей могут происходить из задействования любого типа ресурсов, имеющихся в его распоряжении, а чаще всего – из их сочетания. Безусловно, наличие единых ценностей, разделяемых государствами, способствует сотрудничеству между ними, однако отнюдь не является решающим моментом. Поведение государства диктуется, прежде всего, его интересами, а не факторами субъективного порядка.

Ключевые слова: теория международных отношений, сила, «мягкая сила», «жесткая сила», ценности, экономика, имидж, публичная дипломатия, образование, наука, культура, ресурсы, национальные интересы, ресурсо-ориентированный подход, контексто-ориентированный подход, потенциал

CONCEPT, ROLE AND IMPORTANCE OF “SOFT POWER” IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL RELATIONS

Novoselov Sergey V., Ph.D. (History), Associate Professor, Российская Федерация, 414000, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а E-mail: seveno@rambler.ru

The concept of “power” is one of the key at the same time the most controversial in the theory of international relations. Like most of the categories, the concept of “force” in international relations theory does not have a well-established, universally accepted definition. J. Introduction. Hiring in the scientific revolution of the concept of “soft power” and the ensuing debates have only exacerbated the situation terminological ambiguity around this concept. This article attempts to indicate the general approaches to the formulation of the definition of the concept of “soft power”, which would allow, on the one hand, to draw a distinction between “soft” and “hard power”, and the other – to show its structural relationship and interdependence within the framework of foreign policy the activities of players in the international arena. Each of the above mentioned “forces” based on different resources. And the “hard” and “soft power” as the context requires, depending on its purpose can be derived from engaging any type of resources available to him, and more often – because of their combination. Of course, the

existence of common values shared by the states, promotes cooperation between them, but is not a decisive factor. The behavior of the state is dictated primarily by its interests, rather than subjective factors.

Keywords: theory of international relations, “power”, “soft power”, “hard power”, national interests, context-oriented approach, resource-oriented approach, values, economy, image, public diplomacy, education, science, culture, resources, potential

Понятие «сила» принадлежит к числу ключевых и одновременно наиболее дискуссионных в теории международных отношений. Как и большинство категорий, понятие «силы» в теории международных отношений не имеет устоявшегося, общепринятого определения.

Приведем лишь некоторые из них. «Сила» – это такой инструмент политики, который позволяет установить отношения власти (управления) между тем, кто применяет «силу», и тем, кто подвергается ее воздействию. Ведь недаром в английском языке и сила, и власть не просто синонимы, они даже обозначаются одним словом power [11, с. 24].

«Сила» – это особый тип отношений, возникающих между государствами. Это понятие, которое характеризует процесс целенаправленного взаимодействия между акторами на международной арене [14, с. 97].

Наиболее известными в науке о международных отношениях подходами к пониманию «силы» были ресурсо-ориентированный (атрибутивный), характерный для политического реализма, и контексто-ориентированный (встречаются также определения «бихевиоральный», «поведенческий», «релятивистский») подходы.

Отправной точкой концепции «мягкой силы» Дж. Най является именно поведенческая трактовка «силы». По Дж. Наю, «сила» – это способность воздействовать (влиять) на других так, чтобы получить желаемый результат. Такое воздействие может осуществляться тремя способами: посредством угроз принуждения или принуждением; с помощью поощрения или вознаграждения; благодаря привлекательности, заставляющей других желать того же, чего и вы» [2, с. 18]

Проецируя подобные размышления на сферу международных отношений и мировой политики, Дж. Най предлагает выделять две разновидности «силы» государства – «жесткую силу», включающую военную и экономическую мощь и реализуемую двумя первыми способами, и «мягкую силу», отвечающую меняющемуся характеру мировой политики. Сочетание «жесткой» и «мягкой силы» получило название «умная сила».

Различить «мягкую силу» и «жесткую силу» всегда очень трудно. Например, куда отнести угрозу применения силы? А если еще эта угроза прямо не сформулирована, но оба субъекта взаимодействия прекрасно осознают, что она существует? Ответить на этот вопрос можно через рассмотрение содержания «мягкой и жесткой сил».

За «жесткой силой», как правило, скрывается то, что удобнее называть русским словом «мощь» (в английском это опять же не различается и находится внутри все того же power). Мощь армии, мощь ресурсов, мощь индустрии и экономики в целом. Применение (или угроза применения) этого комплекса или отдельных его элементов составляет содержание «жесткой силы». В международной политике эта форма силы являлась основной формой установления отношений между субъектами. Таким образом, физическое воздействие или угроза такового являются важнейшим и основным содержанием «жесткой силы».

Содержание «мягкой силы», как правило, не материально и не имеет физической сущности. Или по меньшей мере материальное в ней занимает сугубо вторичное и подчиненное значение. Содержание «мягкой силы» принадлежит пространству идеального. Собственно, это и есть идеи и представления (в т.ч. культурные), формирующие ценности, цели и приоритеты в жизни и деятельности людей, оказывающие управляющее воздействие на поведение людей через стандарты, нормы и образцы – в конечном счете и задающие тот или иной образ жизни.

Тот, кто формирует идеалы и может передать (навязать) эти идеалы другому, получает власть (управление) над тем, кто эти идеалы принял и сформировал свой образ жизни в соответствии с ними. Возможность трансляции содержания во многом определяется уровнем и качеством этого содержания. Это должны быть идеальные конструкции масштаба цивилизационного проекта – по меньшей мере они должны быть соразмерны такой претензии.

Содержанием «мягкой силы» являются конструкции, создающиеся в пространстве культуры, философии и идеологии, и в конечном счете именно они формируют человеческое мировоззрение. Для реализации таких конструкций в качестве «мягкой силы» важнейшим институтом является институт веры. Необходимо, чтобы люди верили в эти конструкции или верили им.

«Мягкая сила» представляет собой способность создавать такое благоприятное международное окружение, в котором государство – носитель этой «силы» сможет реализовывать собственные интересы, не прибегая к прямому, жесткому силовому воздействию или угрозам.

Таким образом, «мягкая сила» – это всего лишь одна из форм просто «силы», т.е. один из способов установления властных (управляющих) отношений между субъектами.

Каждая из выше названных «сил» базируется на разных ресурсах. Под ресурсами, ассоциируемыми с «жесткой силой», как правило, подразумевают, например, большую территорию государства, его удачное геополитическое положение, оптимальную численность населения, богатые и стратегически важные природные ресурсы, развитую экономику, мощные вооруженные силы, политическую стабильность и пр.

В качестве ресурсов «мягкой силы», в своих работах Дж. Най выделял: культуру (если она привлекательна для других), политические ценности (если государство придерживается их в своей внутренней и внешней политике) и внешнюю политику (если она воспринимается как легитимная другими государствами и обладает моральным авторитетом) [8].

Из этого ряда ресурсов «мягкой силы» многие исследователи особо выделяют привлекательности культуры и образа жизни. Способность США проецировать свое влияние на международной арене они

объясняют не только военным и экономическим потенциалом этого государства, но и проявлениями массовой культуры. Но такая точка зрения легко опровергается феноменом снижения «мягкой силы» Соединенных Штатов в начале XXI в., проявляющегося в усилении антиамериканизма в мире, в условиях сохранения высокой популярности американской массовой культуры.

В этой связи представляется, что гораздо большую значимость для оценки «мягкой силы» могут иметь идеология и институты. Насаждение определенных стандартов, правил и норм поведения, которыми должны руководствоваться государства в реализации как внутренней, так и внешней политики, придание им статуса общепринятых и универсальных, а также создание соответствующих международных институтов, пропагандирующих эти нормы – все это проявление «мягкой силы». Последняя действительно способна создать благоприятное международное окружение для государства – ее источника, формирующего эти правила и нормы сообразно принятым в данном обществе ценностям, когда ему необходимо заставить других акторов играть по собственным правилам.

Дипломатические представительства, массовая культура, научные и образовательные центры, крупномасштабные международные мероприятия, средства коммуникации, в том числе информационные технологии служат лишь проводником, прикладным инструментом насаждения этих норм и «мягкой силы». Носителями «мягкой силы» могут быть и известные торговые марки (бренды), достижения в науке, технике, искусстве и даже мода.

К ценностям, лежащим в основе «мягкой силы» США, Дж. Най относит демократические ценности, личную свободу, мобильность и динамичность общества, открытость, часто проявляющиеся в американской поп-культуре, высшем образовании и внешней политике [4, с. 14].

В целом, работы многих западных исследователей пронизаны убежденностью в том, что «мягкой силой» могут обладать только либеральные демократии как несущие миру универсальные ценности, к которым априори стремятся все люди. Эту точку зрения решительно опровергает пример Советского Союза, обладавшего существенным ресурсом «мягкой силы», или современного Китая, стремительно его наращивающего. Как следует из концепции Дж. Найа, «мягкая сила» – это способность формировать предпочтения других; это одна из разновидностей влияния, более тонкая, чем влияние, оказываемое непосредственным применением силы, угроз или финансового поощрения («подкупа») [6, с. 20].

Следует заметить, что формировать предпочтения других можно с помощью не только нетрадиционных ресурсов, особо акцентированных Дж. Наем, но и ресурсов, обычно относимых к «жесткой силе». Так, сам факт наличия у государства могущественных вооруженных сил может служить источником восхищения, способствовать развитию сотрудничества других с обладателем этого ресурса. Привлекательностью обладает и сильная экономика, часто используемая как ресурс «жесткой силы», выражающий стремление навязать собственную волю путем введения торговых санкций и эмбарго.

Экономические модель и мощь государства могут быть и ресурсом «мягкой силы». В этом случае они влияют на формирование желания других стран сотрудничать с процветающей державой, поскольку это может означать прямые финансовые выгоды. Успешная модель экономического развития способна оказывать притягивающее влияние на другие и, прежде всего, развивающиеся государства. Более того, в роли ресурса «мягкой силы» могут выступать не только фактическое состояние экономики той или иной страны, но даже прогностические оценки перспектив ее развития.

В этой связи представляется, что правильнее было бы различать понятия «жесткая» и «мягкая сила», исходя не только из ресурсов, на которых сила основана, но и учитывая характер ее использования. Так, например, относимые Дж. Наем к ресурсу «мягкой силы» демократические ценности могут насаждаться и путем принуждения, что не единожды демонстрировал Вашингтон. Иное дело – степень эффективности такого распространения.

Представляется, что «жесткой силой» укоренить их в любой цивилизационный контекст невозможно. В лучшем случае можно лишь создать формальные институты. Более того, насаждение демократических ценностей силовым путем или с помощью революций не только не формирует привлекательность этих ценностей, но может вообще поставить под сомнение сами ценности и искренность тех, кто превращает их в средство достижения своих политических целей. Поэтому в таком контексте альтернативы «мягкой силе» нет.

Практически все крупные государства пытаются включить «мягкую силу» в свои внешнеполитические стратегии и расширить ее влияние. Привлекательность «мягкой силы» в первую очередь определяется тем, что она реализуется без оружия. Это ставит перед акторами мировой политики задачу расширения ресурсов «мягкой силой». Повышать «мягкую силу» государства можно двумя путями [12].

Первый путь предполагает приоритетное проведение различных мер информационного, рекламного и пропагандистского характера, направленных на улучшение международного имиджа государства.

Этот путь формирует образ «мягкой силы» и включает три основных направления: *публичную дипломатию, государственную дипломатию (традиционная дипломатия), программы помощи развитию зарубежным странам и оказание гуманитарной помощи.*

Следует заметить, что публичная дипломатия – это довольно длительный и тонкий путь создания положительного имиджа государства за рубежом, хотя и доказавший свою эффективность.

В то же время достигнутые в ходе реализации публичной дипломатии результаты по повышению имиджа могут быть сравнительно быстро нивелированы непопулярными, рассматриваемыми в других странах как нелегитимными внешнеполитическими шагами и просчетами. Показательным примером в данном случае может быть Советский Союз.

Победоносная Советская армия и признаваемое во всем мире звание победителя фашизма и спасителя человечества делали Советский Союз невероятно привлекательным. Всеобщие равные права, которые оставались к тому времени еще только мечтой для многих и многих живущих на Западе, категорическое

неприятие расизма и национализма, большой объем социальных гарантий также были существенной частью «мягкой силы» СССР. За всем этим содержанием в качестве управляющей надстройки стояла «светская вера» в коммунизм – светлое будущее для всего человечества. Однако с течением времени та же идеология заметно себя дискредитировала и перестала быть привлекательной, превратившись в контрресурс «мягкой силы». Советское государство ослабло, оно стало непривлекательным в культурном и идеологическом плане для других народов.

В определенной степени то же самое случилось с США, существенно себя дискредитировавшими и подорвавшими свою «мягкую силу» после вторжения в Ирак, мирового финансового кризиса 2009 г. и провала политики демократизации по-американски [3]. Кроме того и либеральная демократия теряет свою привлекательность с каждым днем по мере разворачивания системного цивилизационного кризиса. Тем не менее либерально-демократический проект, как основное содержание западной «мягкой силы», пока еще остается действующим.

В этой связи необходимо отметить, что распространение ценностей должно идти исключительно мирным, не силовым путем – только в этом случае мы можем говорить о «мягкой силе». Как только эти ценности начинают навязываться, внедряться насильственными методами, «мягкая сила» государства стремительно начинает падать.

Эффективным способом повышения «мягкой силы» государства является реализация такого внешнеполитического курса, который будет легитимен с точки зрения международного права и привлекателен для многих государств, то есть адекватная историческим условиям, разумная внешнеполитическая тактика.

Большое значение для повышения «мягкой силы» государства может иметь и его участие в урегулировании различных кризисных ситуаций, международных и локальных конфликтов.

Еще одним действенным инструментом повышения привлекательности государства является механизм предоставления помощи странам мира. Оказание помощи призвано содействовать не только налаживанию отношений между государством-донором и государством-реципиентом, формированию позитивного имиджа государства-донора в общественном сознании граждан государства - получателя помощи, но и повышению авторитета «донора» в международном сообществе.

В этой связи в контексте вопроса путей повышения «мягкой силы» государства принципиально важным моментом выступает то, на кого направлена эта сила, то есть определение ее объекта. Основным объектом применения «мягкой силы» во внешнеполитической сфере являются государства. Качественные характеристики государства (объекта воздействия «мягкой силы») – уровень экономического развития, культура, этнический и конфессиональный состав, существующий политический режим и другие определяют структурные составляющие этой силы. Например, при осуществлении влияния на развивающиеся государства, как правило, становится приоритетным и наиболее эффективным такой ресурс «мягкой силы», как успешная модель экономического развития. Иные ресурсы, особенно, связанные с ценностными ориентациями, не так эффективны. Но не вызывает сомнений тот факт, что чем больше у субъекта ресурсов и чем разнообразней они по видам, тем больше возможностей трансформировать их в успешные политические действия.

Приоритетом **второго пути** наращивания государством «мягкой силы», в отличие от первого, является не намеренная реклама своих достижений, а их реальное и постоянное умножение. Конкретно это проявляется в развитии национальной культуры и науки, создании успешной экономической модели, утверждении справедливого общества, реализации внутренней политики, пользующейся одобрением со стороны собственных граждан, проведении мирной внешней политики, сотрудничестве с другими государствами в целях решения транснациональных проблем, проведении миротворческих акций и пр. Эти достижения объективно определяют уровень «мягкой силы» государства.

Следует еще раз подчеркнуть, что степень влияния «мягкой силы» государства определяется его реальной, комплексной национальной мощью. Эта степень может увеличиваться благодаря интенсивным действиям страны по повышению своих имиджевых характеристик.

При этом следует разграничивать понятия «имидж» и «мягкая сила» государства. Большинство государств, обладая международным имиджем, не имеют «мягкой силы». Важная характеристика государства, обладающего «мягкой силой» – это создание, культивирование определенных ценностей и норм, собственной политико-экономической модели и распространение, популяризация их за пределами национальных границ. В этом смысле только государства, способные предложить собственную систему общественно-политических ценностей (или нормативно-идейный комплекс) и претендующие на ведущую роль в мировой политике, статус «центра силы», могут обладать «мягкой силой».

Именно поэтому понятие «мягкой силы» прежде всего встречается в контексте характеристики того или иного исторического этапа развития США, Советского Союза и Китая. При этом важно отметить, что внешнеполитические амбиции этих государств базировались на «жесткой силе». Отсюда вывод о прикладном характере «мягкой силы» относительно «жесткой силы».

«Мягкая сила» Соединенных Штатов за последние годы приуменьшилась, в то время как КНР продолжает стремительно ее наращивать. И возрастающая популярность отдельных составляющих китайской культуры здесь не главное, определяющее – это наличие собственной политико-экономической модели, в которой сочетаются принципы рыночной экономики и контролируемой политической системы.

Свою «мягкую силу» Китай продолжает наращивать и благодаря особой внешнеполитической линии, теоретическую основу которой составляют «пять принципов мирного сосуществования»: невмешательство во внутренние дела, уважение суверенитета и политического выбора, добрососедство, сотрудничество для взаимной выгоды, равенство сторон. На международной арене КНР также усиленно продвигает идею международного сотрудничества, направленного на построение «гармоничного мира». Более того, Пекин наращивает потенциал своей «мягкой силы» и путем создания международных институтов, основанных на китайских ценностях и под эгидой Китая, для

внедрения собственных правил в мировую политику и экономику. Кроме того, Китай активно предпринимает меры по интернационализации своей национальной валюты – юаня, призванной изменить существующую структуру международной финансовой системы.

Таким образом, если американская трактовка «мягкой силы» предлагает миру «американскую мечту», основывающуюся на успешной во всех отношениях внешней жизни личности, то китайская интерпретация этой идеи сводится к «идее гармонии», где основной акцент сделан на достижении гармонии внутренней, производной от которой выступает внешняя.

Получившая распространение концепция «мягкой силы» обусловила необходимость поиска методов, приемов и критериев, позволяющих измерять «мягкую силу» отдельно взятого государства, оценивать ее рост или падение в исторической ретроспективе, сравнивать степень влияния различных стран по показателю «мягкой силы». Довольно распространенным способом определения масштабов «мягкой силы», является опрос общественного мнения. Следует, однако, обратить внимание на несостоятельность этого метода ввиду подачи субъективных представлений респондентов в качестве объективной реальности.

Выдвинув концепцию «мягкой силы», Дж. Най, тем не менее, не предложил авторской методологии ее оценки. [8] Но в тоже время, при анализе «мягкой силы» ЕС он выделил ряд показателей, позволяющих ее измерить (например, количество нобелевских лауреатов, число получаемых данным государством заявлений на предоставление убежища, ожидаемая продолжительность жизни, показатель доли иностранной помощи развитию в ВВП, финансовые средства на осуществление публичной дипломатии) [10, с. 72].

Одну из методик измерения «мягкой силы» предложили исследователи британского Institute for Government. [13]

В частности они предложили индекс, 70 % которого исчислялись на основании оценки выделенных ими пяти компонентов «мягкой силы» (пять подиндексов), а 30 % учитывали субъективные компоненты.

Подиндекс «культура» предлагалось исчислять на основании числа туристов, посетивших данную страну; аудитории, слушающей государственные СМИ; численности иностранных корреспондентов в стране; индекса влияния национального языка; количества золотых олимпийских медалей. Подиндекс «дипломатия» учитывал размер программ помощи развитию; количество языков, которыми владеет глава государства; число стран, граждане которых имеют право на безвизовый въезд; силу национального бренда; общее число представительств культурных миссий. Подиндекс «правительство» – индекс человеческого развития ООН; индекс надлежащего управления Всемирного банка; индекс политической и личной свобод; индекс доверия правительству гражданами государства; индекс субъективной оценки благосостояния. Подиндекс «образование» – число «мозговых центров» в стране; количество университетов, входящих в ведущие 200; численность иностранных студентов в стране. Подиндекс «бизнес/инновации» – количество международных патентов; индекс конкурентоспособности; уровень коррупции; индекс инноваций; прямые иностранные инвестиции.

Субъективные компоненты включали: качество культуры, национальной еды и напитков; наличие культурных икон; качество национальных авиалиний; субъективную оценку эффективности главы государства на мировой арене; репутацию дипломатических миссий, дипломатов. Попытки количественных измерений «мягкой силы» были предприняты и в Китае.

Вполне закономерно, что подобная методология привела к достаточно дискуссионным и неправдоподобным результатам. Такие количественные измерения имеют слишком большую погрешность, основаны на значительном числе допущений и упрощений, а главное – находятся в прямой зависимости от критериев, выдвинутых для оценки «мягкой силы». Иными словами, приведенные рейтинги и индексы не имеют отношения к измерению собственно «мягкой силы». Они позволяют в лучшем случае оценить потенциал «мягкой силы» государства, но никак не ресурс его «мягкой силы», т.е. то, что позволяет успешно действовать и воздействовать на других во исполнение стоящих перед игроком внутри- и внешнеполитических задач.

Но они не могут сказать о способности игрока использовать эти ресурсы для решения конкретных задач [6, с. 17].

В этой связи более инструментальным может быть не количественное измерение «мягкой силы», а возможности сравнить «мягкую силу» различных акторов в глобальном и региональных измерениях на основании анализа ряда направлений или групп факторов для ее определения, по которым следует проводить анализ, способный приблизить к достоверности оценки.

К ним можно отнести следующие направления анализа: оценка экономического, политического и культурного влияния рассматриваемого государства в мире или регионе. Экономическое влияние целесообразно рассматривать через призму внешней инвестиционной деятельности, программ помощи развитию, популярности пропагандируемой экономической модели. Политическое влияние можно оценить с позиций уровня и характера отношений с другими странами мира или региона, международного имиджа данного государства с точки зрения реализуемой им внешнеполитической стратегии и тактики, а также уровня и интенсивности участия в деятельности международных и региональных организаций. Культурное влияние – на основании анализа реализуемой публичной дипломатии. В то же время, следует заметить, что на практике множественность имеющихся подходов лишь приближает нас к объективной оценке. Чрезвычайно трудно оценить все многообразие факторов и показателей.

Таким образом, не следует абсолютизировать роль и значимость «мягкой силы» в международных отношениях [5, с. 91].

Каждый участник международных взаимодействий обладает запасом материальных и нематериальных ресурсов. И «жесткая», и «мягкая сила» в зависимости от контекста, в зависимости от его целей могут происходить из задействования любого типа ресурсов, имеющихся в его распоряжении, а чаще всего – из их сочетания. Степень влияния государства на последнюю и в начале XXI в. по-прежнему определяется

его совокупной мощью, а «жесткая сила» продолжает играть одну из ключевых ролей в современном мире. До тех пор, пока субъекты на международной арене будут сталкиваться с экстренными угрозами своей безопасности, «жесткая сила» не потеряет своей актуальности и значимости [1, с. 37].

Безусловно, наличие единых ценностей, разделяемых государствами, способствует сотрудничеству между ними, однако отнюдь не является решающим моментом. Поведение государства диктуется, прежде всего, его интересами, а не факторами субъективного порядка.

Список литературы

1. Байков А. А. «Мягкая мощь» Европейского союза в глобальном силовом равновесии: евро-российский трек // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 2 (35). С. 36–46.
2. Давыдов Ю. П. «Жесткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // США-Канада: экономика, политика, культура. 2007. № 1. С. 3–25.
3. Карабущенко П. Л. Конец истории англосаксонской модели глобального развития // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3 (36). С. 147–156.
4. Кортунов А. В. Сотрудничество в сфере высшего образования между Россией и США: от технического содействия к поиску новой модели // *Russie. Nei. Visions*. 2008. № 33. С. 3–28.
5. Панова Е. П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 4. С. 91–97.
6. Паршин П. Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // ИМИ МГИМО (У) МИД России. Центр глобальных проблем. М.: МГИМО-Университет, 2013. 38 с.
7. Радиков И. В., Лексютина Я. В. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 2. С. 19–37.
8. Супян В. Б. и др. Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования // Ин-т США и Канады РАН. М.: Магистр, 2009. 399 с.
9. Филимонов Г. Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. М.: РУДН, 2010. 212 с.
10. Филимонов Г. Ю. Неофициальная внешняя культурная политика как компонент «мягкой силы» США // США-Канада: экономика, политика, культура. 2007. № 4. С. 69–82.
11. Хрусталева М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Аспект-Пресс, 2015. С. 24.
12. Цыганков А. П. Всесильно, ибо верно? «Мягкая сила» и теория международных отношений // Россия в глобальной политике. 2013. № 6. С. 26–36.
13. Супян В. Б. и др. Экономика США / под ред. В. Б. Супяна. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономистъ, 2008. 831 с.
14. Юдин Н. Системное прочтение феномена «мягкой силы» // Международные процессы. 2015. Т. 13, № 2. С. 96–105.

References

1. Baykov A. A. “Myagkaya moshch” Yevropeyskogo soyuza v globalnom silovom ravnovesii: evro-rossiyskiy trek. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2014, no. 2 (35), pp. 36–46.
2. Davydov Yu. P. “Zhestkaya” i “myagkaya” sila v mezhdunarodnykh otnosheniyakh. *SShA-Kanada: ekonomika, politika, kultura*, 2007, no. 1, pp. 3–25.
3. Karabushchenko P. L. Konets istorii anglosaksonskoy modeli globalnogo razvitiya. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura*, 2013, no. 3 (36), pp. 147–156.
4. Kortunov A. V. Sotrudnichestvo v sfere vysshogo obrazovaniya mezhdu Rossiei i SShA: ot tekhnicheskogo sodeystviya k poisku novoy modeli. *Russie. Nei. Visions*, 2008, no. 33, pp. 3–28.
5. Panova Ye. P. Sila privlekatelnosti: ispolzovanie “myagkoy vlasti” v mirovoy politike. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2010, no. 4, pp. 91–97.
6. Parshin P. B. Problematika “myagkoy sily” vo vneshney politike Rossii. *IMI MGIMO (U) MID Rossii, Tsentralnyy globalnykh problem*. Moscow, MGIMO-Universitet, 2013, 38 p.
7. Radikov I. V., Leksyutina Ya. V. «Myagkaya sila» kak sovremennyy atribut velikoy derzhavy // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2012. № 2. S. 19–37.
8. Supyan V. B. i dr. Issledovatel'skie universitety SShA: mekhanizm integratsii nauki i obrazovaniya // In-t SShA i Kanady RAN. M.: Magistr, 2009. 399 s.
9. Filimonov G. Yu. «Myagkaya sila» kulturnoy diplomatii SShA. M.: RUDN, 2010. 212 s.
10. Filimonov G. Yu. Neofitsialnaya vneshnyaya kulturnaya politika kak komponent «myagkoy sily» SShA // SShA-Kanada: ekonomika, politika, kultura. 2007. № 4. S. 69–82.
11. Khrustaleva M. A. Analiz mezhdunarodnykh situatsiy i politicheskaya ekspertiza. M.: Aspekt-Press, 2015. S. 24.
12. Tsygankov A. P. Vsesilno, ibo verno? «Myagkaya sila» i teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy // Rossiya v globalnoy politike. 2013. № 6. S. 26–36.
13. Supyan V. B. i dr. Ekonomika SShA / pod red. V. B. Supyana. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Ekonomist, 2008. 831 s.
14. Yudin N. Sistemnoe prochtenie fenomena «myagkoy sily» // Mezhdunarodnye protsessy. 2015. T. 13, № 2. S. 96–105.